

Лань Чэянь намеренно заговорил о жене Вань Цяньва, не заботясь о том, чтобы сохранить тому лицо. Его слова заставили лицо Ваня мгновенно позеленеть: возразить было нечем, ведь дела обстояли именно так, как описал Лань Чэянь — его интересовало лишь то, чем владела семья той женщины.

Молчание Вань Цяньва было равносильно признанию. Юй Иньянь и У Цилян, заметив, как внезапно стихли разговоры, перевели взгляды на Вань Цяньва, который, сгорая от ярости, не смел и слова сказать. В этот момент У Цилян вдруг отчетливо ощутил, насколько жалок и мелок этот человек.

Юй Иньянь, не сводя глаз с Вань Цяньва, вспомнил облик Вань Ляньмина. На первый взгляд они были совсем не похожи, а если приглядеться — и подавно. Его искренне удивляло такое разительное отличие. Однако Юй Иньянь не считал Вань Ляньмина некрасивым, скорее, у того была весьма специфическая внешность. Сам Юй не любил судить людей по лицу, как, впрочем, и Лань Чэянь, но тот намеренно поднял эту тему. Юй Иньянь счел это странным — на Лань Чэяня это было не похоже, но, не найдя причин для такого поведения и не желая лезть в чужие дела, он решил оставить эту мысль.

Фань Юцзюэ же и вовсе не интересовался тем, как другие устраивают свою жизнь. Слушать сплетни он не хотел, а публичное обсуждение чужих секретов Лань Чэянем и остальными ему было крайне неприятно. С бесстрастным лицом он отвернулся.

Ян Ишань, напротив, обожал сплетни. Как только Лань Чэянь начал разговор, он наострил уши. Весь погрузившись в слушание, он заметил праведную мину Фань Юцзюэ и решил его поддеть:

— Скажи, муженек... нет, ты выглядишь гораздо старше его, значит — старый муж. Ты уже изучил, как стать ближе друг к другу? Смотри, не оплошай, а то сразу раскусят.

Фань Юцзюэ знал, что Ян Ишань имеет в виду его роль любовника Лань Чэяня, и понимал, что тот просто хочет поиздеваться, поэтому лишь сухо ответил:

— Меня втянули в это насильно, так что я не обязан подыгрывать.

Ян Ишань выразительно скривился, показывая, что не согласен, и принялся уговаривать Фань Юцзюэ:

— Ну не скажи. Раз уж взялся, доведи дело до конца. Или ты хочешь, чтобы его разоблачили и разозлили?

Ян Ишань внимательно наблюдал за Фань Юцзюэ, ожидая реакции, которая пришлась бы ему по душе, но тот остался невозмутим. Поняв, что так ничего не добьется, Ян Ишань решил сменить тактику:

— По-моему, если ситуация выйдет из-под контроля, будет беда. Или ты действительно хочешь применить к нему то наказание? Не забывай, ради чего ты обладаешь этой силой. Неужели у тебя хватит духу заставить его, невинного, страдать так же, как и ты?

Фань Юцзюэ сохранял спокойствие, возможно, уже привыкнув к уловкам Ян Ишаня. Но, опасаясь, что тот будет приставать дальше, Лань Чэянь, услышав это, сурово ответил:

— Такова его судьба. Иначе зачем мне эта сила, которая для него является наказанием? Раз он нуждается в контроле, а я выступаю исполнителем, здесь не должно быть места личным чувствам.

Ян Ишань, звавший Фань Юцзюэ как облупленного, понимал, что тот просто упрямится, и решил нанести решающий удар:

— Неужели ты не использовал его из корыстных побуждений? Прикрываясь сочувствием, ты ведешь себя эгоистичнее всех. Думаю, тебе стоит поразмыслить, как ты будешь оправдываться, если он когда-нибудь все узнает.

Последние слова Ян Ишаня были пропитаны искренностью, хотя он и наслаждался чувством контроля над ситуацией. Заметив микромимику на лице Фань Юцзюэ, он хотел было продолжить, но Лань Чэянь внезапно перехватил инициативу, напугав Яна:

— О чем это вы шепчетесь? Неужели хвалите меня? Ой, не надо тайком, я же не возгоржусь.

Сказав это, Лань Чэянь с предвкушением наклонил голову и подставил ухо, ожидая потока комплиментов. Но спустя несколько секунд в ответ раздался лишь свист ветра. Поняв, что его молчаливо игнорируют, Лань Чэянь мгновенно сменил тон:

— Понятно, вы меня ругаете.

Однако серьезность продержалась не дольше секунды, и он снова рассмеялся, с гордостью добавив:

— Ну и ладно, у меня сегодня хорошее настроение, так и быть, не буду обращать на вас внимания.

Ян Ишань находил переменчивое настроение Лань Чэяня весьма любопытным — такие люди встречаются редко, как вымирающие виды. Между притворным и настоящим безумием Лань Чэянь мастерски балансировал. Ян Ишань усмехнулся, но попался на глаза Юй Иньяню. Тот терпеть не мог, когда над Лань Чэянем смеются, поэтому, нахмурившись, подскочил к Ян Ишаню, заломил ему руки за спину и пригрозил:

— Не смей над ним смеяться. Только я имею на это право.

Лань Чэянь, все еще пребывавший в своих мыслях, обернулся и, увидев, что Юй Иньянь защищает его, тут же с обиженным видом спрятался за его спину и начал жаловаться:

— Да-да, именно они! Только что смеялись надо мной.

Ян Ишань, не ожидавший такой прыти, не успел увернуться. Он был поражен тем, что смертный смог его скрутить, и, морщась от боли, не преминул позвать на помощь:

— Эй, ты так и будешь смотреть? Не собираешься помочь?

В ответ Фань Юцзюэ лишь проигнорировал его. Ян Ишань, поняв, что тот сводит личные счеты, в сердцах выпалил:

— Между людьми есть разница, но чтобы и между призраками была такая пропасть... А уж ты, полукровка, и подавно не должен так поступать!

Желание Ян Ишаня разделить общую участь разозлило Фань Юцзюэ, и он парировал:

— Не говори так о себе. Если уж на то пошло, самый нелепый здесь — это ты.

После такого бессердечного ответа лицо Ян Ишаня раздулось, как брюхо рыбы-фугу. Юй Иньянь, утомившись удерживать его, отпустил, как только тот притих, и спросил:

— Больно? Я просто пошутил, не вздумай приходить ко мне во сне.

Увидев беспокойство Юй Иньяня, Лань Чэянь поспешил обнять его:

— Не бойся, он не посмеет. Бойся, что ты его поколотишь.

Ян Ишань, освободившись, принялся разминать ноющие мышцы, ворча под нос:

— Странно, я ведь призрачное существо, как меня мог коснуться смертный? Да еще и ранить? Чертовщина какая-то.

Услышав это, Лань Чэянь тут же ответил:

— Для них это ты — призрак.

Ян Ишань прикусил язык, боясь сказать лишнее. Фань Юцзюэ воспользовался моментом:

— Закончили? Тогда чего еще стоишь? Дел нет?

Ян Ишань понял, что это адресовано ему, но, будучи не в духе, решил напоследок поворчать:

— Не торопи, я уже ухожу. Но скажу вам: сегодня я встретил человека, очень похожего на того самого.

Не успел Ян Ишань договорить, как взволнованный Фань Юцзюэ схватил его за плечи:

— Правда? Где? Я могу его увидеть?

Лань Чэянь с любопытством наблюдал за Фань Юцзюэ, который обычно был замкнут, как могила, а тут вдруг ожил при одном упоминании того человека. Но Ян Ишань не стал

объяснять, а продолжил говорить загадками, понятными только им двоим:

— Тебе не нужно его видеть. Я сам все разужнаю. Не забывай, ты сам от него отказался.

Фань Юцзюэ болезненно отреагировал на эти слова и тут же замкнулся, вернувшись в прежнее состояние. Теперь любопытство охватило не только Лань Чэяня, но и Юй Иньяня — ему казалось, что этот сюжет он где-то уже видел. Впрочем, решив не ломать голову, он отмахнулся и спросил Лань Чэяня:

— Значит, завтра мы идем прямо к Вань Ляньмину?

Вспомнив о деле, Лань Чэянь тут же потянул Фань Юцзюэ за собой:

— Идем, у нас есть работа. А ты, — он обратился к Ян Ишаню, — останешься здесь присматривать за адвокатом У и Юйвэнем.

Ян Ишань возразил:

— Не думаю, что я подхожу. Кто-то должен остаться здесь.

Лань Чэянь понял, на кого намекает Ян, и, потянув за собой Юй Иньяня, ответил:

— Нет, он пойдет с нами, это дело требует именно его участия.

Ян Ишань, осознав всю серьезность, согласился: без них здесь было опасно. Раненый человек в беспмятстве, внутри которого сидит призрак, да еще и под присмотром другого призрака — это все равно что оставить беспомощных цыплят на попечение стаи ласок. А если учесть, сколько здесь «бомб замедленного действия», то отсутствие контроля означало бы крах.

Убедившись, что все под контролем, Ян Ишань принял условия, и Лань Чэянь, не теряя ни секунды, увел Фань Юцзюэ и Юй Иньяня.

Оставшись в палате один, скучающий Ян Ишань подошел к У Цилян:

— Скажи, адвокат У, почему ты так печешься об этом пареньке? Он ведь просто подопечный, а не драгоценный камень. Чего так нервничать?

У Цилян понимал, что Ян Ишань его не поймет, но, глядя на Лэй Юйвэня, с грустью ответил:

— Многие меня не понимают. Я ухаживаю за ним почти год, и дело не только в его отце. Мы привязались друг к другу. Он добрый, честный и милый — кто бы не дорожил таким?

Затем У Цилян добавил кое-что еще:

— На самом деле, его отец всегда поддерживал мою карьеру. Он хотел по-своему защищать людей, но из-за своего положения и страха, что меня начнут травить, никогда не раскрывал

свою личность. Только когда он попал в беду и оказался в тупике, он пришел ко мне за помощью. Он знал, что подвергает меня опасности, но у него не было выбора — он должен был позаботиться о сыне.

Ян Ишань пристально, словно сканер, просканировал скорбное лицо У Циляна. Убедившись в искренности его чувств, он перестал сомневаться и спросил:

— Значит, ты не жалеешь, что решил помочь Лэй Тинцзюню, и готов отдать за него жизнь?

Это был вопрос на проверку человечности. Если ответить «не жалею» сразу, это будет ложью, ведь только перед лицом смерти человек осознает истину. У Цилян не ответил сразу, помолчал, а затем, с твердым взглядом, сказал:

— Конечно, я жалел. Но не из страха перед смертью. Я жалел, что, зная о невозможности в одиночку свергнуть ту гору, не забрал его с собой, чтобы позже нанести удар. Тогда хотя бы моя семья, Юйвэнь и другие люди избежали бы этой катастрофы.

Ян Ишаня не впечатлил столь благородный ответ, и он решил припереть У Циляна к стенке:

— Но ты ведь потерял свою жизнь. Ты не имел к этому никакого отношения, даже если он тебе помогал. Никто не обязан платить жизнью за чью-то доброту.

У Цилян посмотрел на Ян Ишаня, изучая его своим искренним взглядом. Ян Ишань почувствовал себя неловко. У Цилян улыбнулся:

— Я знаю, ты не доверяешь человеческой природе. Ты не веришь, что кто-то может не жалеть о содеянном даже после смерти или поступить так же, если бы пришлось начать сначала. И я сомневаюсь, что ты спрашиваешь из чистого любопытства. Но ответ остается прежним.

Ян Ишань внезапно взглянул на этого неряшливого призрака по-новому: похоже, он был самым здравомыслящим из всех. У Цилян продолжал:

— В каждую эпоху есть свои герои. Но они не называют себя героями. До того как стать ими, они для всех — безумцы, идущие против течения. Но только герой знает: в тени мейнстрима должен быть здравомыслящий безумец, который, даже не считая себя героем, станет тем самым дураком, чтобы привлечь внимание и открыть людям правду. Я не герой, но я стал тем самым безумцем. По крайней мере, оглядываясь на свою жизнь, я чувствую удовлетворение, пусть и с привкусом горечи.

Ян Ишань начал понимать таких людей. Они взваливают на плечи груз всего мира, поэтому социальные нормы для них — пустой звук. Он больше не стал доносить У Циляна. А Вань Цяньва, запертый в своем углу, слушая этот разговор, все пытался вспомнить, где же он слышал что-то подобное.

Тем временем Лань Чэянь вернулся домой с Фань Юцзюэ и Юй Иньянем. Оказавшись в гостинной, Лань Чэянь начал мерить комнату шагами, обдумывая план. Юй Иньянь, понимая его без слов, принялся искать информацию. Он не был хакером, но в сетевых следах

разбирался отлично. Его глаза, словно у орла, были прикованы к экрану.

Фань Юцзюэ, не понимая, что происходит, стоял в стороне. Лань Чэянь молчал, и неизвестность пугала Фань Юцзюэ. Наконец он не выдержал:

— Так зачем ты меня привел?

Лань Чэянь сделал знак молчать, а затем принялся кружить вокруг Фань Юцзюэ, разглядывая его. Взгляд Фань Юцзюэ выдал недоброе предчувствие. В этот момент Юй Иньянь что-то нашел и, взволнованный, подозвал Лань Чэяня к экрану.

Лань Чэянь наклонился, прикрыл рот рукой и расширил глаза. Он переводил взгляд с экрана на Фань Юцзюэ, что-то сверяя. Фань Юцзюэ, не выдержав, подошел посмотреть — и увидел собственное фото. Но место на снимке было ему незнакомо, и он возмутился:

— Это не я! Кто меня сюда прифотошопил? Я там никогда не был!

Юй Иньянь и Лань Чэянь рассмеялись, глядя на него как на клоуна. Лань Чэянь воскликнул:

— Небеса на нашей стороне! Нам не нужно создавать фальшивую личность, достаточно сделать пару веб-страниц!

Юй Иньянь согласился. Фань Юцзюэ, окончательно запутавшись, спросил:

— Что вы задумали? И кто это, если не я?

Он был на грани того, чтобы выпустить свою истинную сущность, но сдержался. Юй Иньянь, заметив его состояние, переглянулся с Лань Чэянем. Тот кивнул, и Юй Иньянь объяснил:

— Этот человек — сын важной персоны, учится за границей, но недавно вернулся. И он как две капли воды похож на тебя. Разве это не судьба?

Фань Юцзюэ все еще не понимал:

— Я все равно не догоняю. Какое мне до него дело?

Лань Чэянь и Юй Иньянь обменялись взглядами и закатили глаза. Лань Чэянь скомандовал:

— Юй, найди его фото, а я сделаю серию снимков. Устроим нашему другу немного «желтых» новостей. А я пока возьму этого недотепу и займусь делом.

Услышав слово «подружка», Юй Иньянь ущипнул Лань Чэяня за бок:

— Какая я тебе подружка? Мы в лучшем случае — соучастники по неприятностям!

Лань Чэянь, схватившись за бок, взвыл:

— Это же самый благородный эпитет! Ты что, дискриминируешь меня?

Юй Иньянь испугался:

— Нет, конечно! Просто не хочу осквернять это слово. Иди уже, болтаешь слишком много.

Лань Чэянь, довольный, что заставил Юй Иньяня нервничать, взял Фань Юцзюэ за руку и игриво приподнял его подбородок:

— Пошли, мой парень. Теперь все зависит от нас.

Фань Юцзюэ отшатнулся:

— Мы договаривались, что это просто игра! Куда ты меня тащишь?

Лань Чэяню нравилось видеть страх Фань Юцзюэ, и он решил нажать сильнее. Он слегка ухватился за край заправленной рубашки на талии Фань Юцзюэ и, глядя на него снизу вверх, застенчиво прошептал:

— Разве влюбленные не должны делать то, что делают влюбленные? В актерской игре все должно быть по-настоящему, разве нет?

Лань Чэянь улыбался, но его руки вели себя совсем не скромно. Фань Юцзюэ сглотнул, тело его напряглось:

— Не обязательно. У тебя же есть магия, создай все сам!

Но Лань Чэянь не дал ему шанса. Он скользнул рукой ниже, по ремню, и притянул Фань Юцзюэ к себе. Внезапная близость сбила дыхание Фань Юцзюэ. Он хотел отстраниться, но Лань Чэянь, придерживая его за подбородок, провел рукой по спине и обнял за талию. Фань Юцзюэ замер. Юй Иньянь, мельком взглянув на них, лишь вздохнул — он привык к таким сценам.

Фань Юцзюэ, едва дыша, уперся руками в плечи Лань Чэяня, пытаясь оттолкнуть его, но тот лишь сильнее прижал его к себе. Потерпев неудачу, Фань Юцзюэ применил свою способность. Лань Чэяня обожгло, и он отпрянул, ругаясь:

— Ты что творишь? Только это и умеешь? Смотри, опять обжег! А я ведь так боюсь ожогов!

Он начал жаловаться, показывая руку, но Фань Юцзюэ демонстративно отвернулся. Лань Чэяню пришлось жаловаться Юй Иньяню:

— Смотри, он меня обжег!

Юй Иньянь не встал на его сторону:

— Сам виноват. Кто тебя просил к нему лезть? Если не начнешь работать, скоро рассвет.

Лань Чэянь взглянул на часы — пять утра. Забыв об ожоге, он потащил Фань Юцзюэ в спальню. Тот, не успев опомниться, оказался внутри и поспешил отступить на безопасное расстояние. Лань Чэянь серьезно произнес:

— Не бойся, это для дела, а не по-настоящему. Ишь, испугался. Я сам не хочу, чтобы ты меня использовал.

Фань Юцзюэ лишь усмехнулся его наглости. Лань Чэянь распахнул шкаф:

— Что надеть? Как сделать так, чтобы не разоблачили?

В шкафу, помимо черных костюмов, висела одежда всех цветов радуги. Фань Юцзюэ, привыкший к однотонным вещам, почувствовал себя не в своей тарелке. Лань Чэянь, не дождавшись ответа, выхватил светлую рубашку и, бросив ее, мгновенно переоделся. Фань Юцзюэ остолбенел. Лань Чэянь, играя с образом «без штанов» (хотя шорты были скрыты длинной рубашкой), подошел к Фань Юцзюэ. Тот снова сглотнул.

Лань Чэянь лишь оглядел его и взмахнул рукой — из воздуха появилась одежда, подходящая к его собственному наряду:

— Сам или мне помочь?

Фань Юцзюэ взял вещи:

— Сам. Отвернись.

Лань Чэянь фыркнул:

— Господи, у нас с тобой все одинаковое, чего стесняться? Ты же сам умеешь мгновенно менять одежду, к чему эта чопорность?

Фань Юцзюэ нашелся что ответить:

— Размеры у нас разные.

Лань Чэянь рассмеялся так, что повалился на кровать, чем смутил Фань Юцзюэ. Пока тот хохотал, Фань Юцзюэ быстро переоделся. Юй Иньянь, войдя в комнату и увидев валяющегося на кровати Лань Чэяня, спросил:

— Что ты сделал, почему он так смеется?

Фань Юцзюэ промолчал. Лань Чэянь, подняв голову, ответил:

— Он сказал, что у него размер не такой, как у меня!

Юй Иньянь посмотрел на Фань Юцзюэ и равнодушно спросил:

— Размер чего? Одежды?

Лань Чэянь, видя, что Юй Иньянь не понял, вскочил и показал руками:

— Да вот этот размер! Он сказал, что у него другой!

Юй Иньянь, осознав, о чем речь, не отрываясь от компьютера, сухо ответил:

— Конечно другой. У вас и телосложение разное.

Лань Чэянь мгновенно сник и пробормотал:

— Как так? Разве не у всех одинаково? Раньше женщины... нет,неважно, все говорили иначе.

Юй Иньянь продолжал:

— Если тебе так говорили, значит, просто стеснялись правды. Или они не бывали в общественных банях.

Фань Юцзюэ вздрогнул от прямоты Юй Иньяня, а Лань Чэянь вцепился в информацию:

— Значит, ты много видел? У тебя богатый опыт?

Юй Иньянь честно ответил:

— Нет, просто я изучил много материалов.

Фань Юцзюэ почувствовал себя крайне неловко, а Лань Чэянь продолжал допрос:

— Каких еще материалов? Там учат соблазнять мужчин?

Фань Юцзюэ попытался прервать разговор:

— Послушай...

Но Юй Иньянь отрезал:

— Ты дурак? Я про фильмы. Ты что, никогда их не смотрел?

Лань Чэянь воскликнул:

— Так вот оно что! Значит, это ты сидишь у меня в голове и учишь соблазнять мужчин? Признавайся, ты нашептываешь мне это, пока я сплю, вредитель такой!

<http://bllate.org/book/22522/2378632>